

Она и он

Жорж Санд

ОНА И ОН

Автобиографический роман

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(0)

Перевод с французского А. Тетеревниковой

Санд, Ж.

Она и он: Автобиографический роман / Ж. Санд; [пер. с франц. А. Н. Тетеревникова]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2021. – 258 с.

ISBN 978-5-521-74730-6

Известнейший, во многом автобиографичный роман выдающейся французской писательницы о любви, в которой всегда есть Она — сама Жорж Санд, и Он — поэт Альфред де Мюссе. История, которая в своё время потрясла весь парижский свет, одновременно проста и сложна: двое влюблённых едут в Италию, но не находят там счастья, а переживают трагедию взаимного непонимания и тягостный для обоих разрыв. Но смысл романа не исчерпывается конфликтом характеров, ведь оба героя — талантливые художники, и это вводит в роман проблему творческой личности и законов творчества.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(0)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74730-6

© Т8 RUGRAM, 2021
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021
© Перевод, А. Н. Тетеревникова,
наследники, 2020

Мадемуазель Терезе Жак

Дорогая Тереза, — вы ведь позволили мне не называть вас «мадемуазель», — сообщаю вам новость, важную для всего «артистического круга», по выражению Бернара, нашего друга. Смотрите-ка! Получилось складно, но вот в том, что я вам сейчас расскажу, уже не будет ни складу ни ладу.

Представьте себе, что вчера, когда, наскучив вам своим визитом, я вернулся домой, я застал у себя какого-то английского милорда... Впрочем, может быть, и не милорда, но, во всяком случае, англичанина, который обращается ко мне на своем тарабарском наречии:

— Вы есть художник?

— Yes, милорд.

— Вы пишете лицо?

— Yes, милорд.

— И руки?

— Yes, милорд; и ноги также.

— Вот это хорошо!

— Очень хорошо!

— О, я уверен! Вы хотите сделать мой портрет?

— Ваш портрет?

— А почему нет?

Эти слова «А почему нет?» были произнесены так добродушно, что я перестал считать его идиотом, тем более что этот сын Альбиона — великолепный мужчина. Голова Антиноя на плечах... на плечах англичанина; греческая скульптура эпохи расцвета; слегка необычно только то, что она одета в современный костюм, а галстук на ней — образец последней британской моды.

— Право же, — сказал я, — вы, несомненно, прекрасная модель, и я с удовольствием написал бы с вас этюд, просто так, для себя, но портрет ваш я написать не могу.

— А почему?

— Потому что я не портретист.

— О!.. Разве во Франции нужно покупать патент на тот или иной жанр в искусстве?

— Нет, но публика не позволяет нам работать в разных жанрах. Она хочет знать, какого мнения ей держаться на наш счет, в особенности если мы молоды; вот я, например, тот самый, с кем вы сейчас разговариваете, — я еще очень молод, и если бы я имел несчастье написать с вас удачный портрет, то на следующей выставке мне было бы очень трудно добиться успеха в каком-либо ином жанре: решили бы, что у меня нет к этому способностей и что я слишком самонадеянно взялся не за свое дело.

Я наговорил моему англичанину еще много подобной чепухи, от которой я вас избавлю, а он, слушая меня, таращил глаза, а потом расхохотался, и я тут ясно увидел, что мои доводы внушают ему глубокое презрение если не к Франции, то к вашему покорному слуге.

— Скажите прямо, — сказал он, — вам не нравится писать портреты.

— Как! Вы что, за валлийца меня принимаете? Скажите лучше, что я еще не решаюсь писать портрет и что я не смог бы его написать, потому что одно из двух: либо это жанр, который исключает все остальные, либо это совершенное мастерство и, так сказать, вершина таланта. Иные художники, не способные создать ничего своего, могут со сходом и приятностью копировать живую натуру. Таким успех обеспечен, лишь бы они умели представить свою модель в самом выгодном для нее свете и ухитрились одеть ее к лицу и в то же время по моде; но если вы всего лишь скромный художник, пишущий на исторические сюжеты, если вы еще только ученик и талант ваш признан далеко не всеми — а как раз таким учеником я имею честь быть, — тогда нельзя бороться с профессионалами. Признаюсь, я никогда добросовестно не изучал складки черного фрака и особенности какого-нибудь определенного лица. Я только бедный изобретатель поз, типов и выразительных фигур, нужно, чтобы все это отвечало моему сюжету, моей идее, если хотите, моей мечте. Если бы вы позволили мне одеть вас по моему вкусу и сделать вас частью задуманной мною композиции... Но, впрочем, из этого тоже ничего бы не вышло, это были бы не вы. Этот портрет нельзя было бы подарить вашей возлюбленной... а тем более вашей супруге. Ни та, ни другая вас не узнали бы. А поэтому не требуйте от меня сейчас того, что я, возможно, и смогу сделать когда-нибудь, если из меня вдруг получится Рубенс или Тициан, потому что тогда я смогу остаться поэтом и творцом, легко и без робости передавая могучую и величественную действительность. К сожалению, из меня, пожалуй, выйдет только безумец или глупец. Почитайте фельетоны господ тех-то и тех-то.

Только не подумайте, Тереза, что я сказал моему англичанину хоть что-нибудь из того, что я вам пишу: когда передаешь свою речь в письме, всегда приукрашаешь ее; но все, что я мог сказать ему, извиняя свое неумение писать портреты, было сказано впустую, за исключением этих слов: «Почему, черт возьми, вы не обратитесь к мадемуазель Жак?»»

Он три раза повторил: «О!», после чего спросил у меня ваш адрес и тут же ушел, не сказав больше ни слова, а я, не имея возможности закончить свои рассуждения о портрете, сконфузился и рассердился, потому что в конце концов, милая Тереза, если эта скотина, этот красавец англичанин пойдет к вам сегодня, — а я думаю, с него это станется, — и если он перескажет вам все, только что мною написанное, то есть все, что я ему наговорил о «ремесленниках» и великих мастерах, что вы тогда подумаете о вашем неблагодарном друге? Что он причисляет вас к первым и считает вас способной писать только красивенькие портреты, которые всем нравятся! Ах, милый друг, если бы вы слышали все, что я сказал ему о вас после того, как он уже ушел!.. Вы это знаете, вы знаете, что для меня вы не мадемуазель Жак, та, что пишет «похожие» портреты, которые теперь в большой моде. Для меня вы мужчина высшего порядка, переодетый женщиной, который никогда не учился в Академии, однако уже в поясном портрете угадывает сам и позволяет угадывать другим все тело и всю душу оригинала, так, как это делали великие скульпторы античности и великие художники Возрождения. Но я умолкаю: вы не любите, когда вам говорят то, что о вас думают. Вы делаете вид, что принимаете это за комплименты. Вы очень горды, Тереза.

Сегодня, сам не знаю почему, на меня напала хандра. Утром завтрак был такой невкусный... С тех пор как у меня появилась кухарка, я ем ужасно невкусно. И теперь не достать хорошего табаку. Акцизное управление нас просто отравляет. А потом мне принесли новые сапоги, которые совсем не годятся... А потом идет дождь... А потом... почему я знаю, что потом? Вам не кажется, что с некоторых пор дни так тянутся, словно ты сидишь без куска хлеба? Нет, вам-то это не кажется. Вы не знаете ни этого томления, ни этих приевшихся развлечений, ни этой пьянящей скуки, ни этой тоски без названия, о которой я говорил вам как-то вечером в той маленькой сиреновой гостиной, где бы я хотел быть сейчас, потому что здесь у меня так мало света, что нельзя работать, а раз я не могу работать, я с удовольствием пришел бы побеседовать с вами, даже рискуя вам надоесть.

Итак, я вас сегодня не увижу! У вас невыносимая родня, она похищает вас у самых лучших ваших друзей! Значит, сегодня вечером мне придется совершить какую-нибудь непроходимую глупость!.. Вот к чему привела ваша доброта ко мне, мой дорогой старший товарищ. Я становлюсь таким глупым и ничтожным, когда не вижу вас, что мне обязательно нужно забыться, даже рискуя возмутить вас. Но не беспокойтесь, я не стану рассказывать вам, как провел вечер.

Ваш друг и покорный слуга

Лоран

11 мая 183...

Господину Лорану де Фовелю

Во-первых, дорогой Лоран, если вы в самом деле питаете ко мне дружеские чувства, я требую, чтобы вы не делали слишком часто глупости, которые вредят вашему здоровью. Все остальные я вам разрешаю. Вы сейчас потребуете, чтобы я привела в пример хоть одну из них, и я окажусь в большом затруднении, потому что, насколько мне известно, безвредных глупостей очень мало. Остается узнать, что вы называете глупостями. Если это те бесконечные ужины, о которых вы мне говорили на днях, то, по-моему, они вас убивают, и для меня это очень огорчительно. Боже мой! О чем вы думаете, когда с легким сердцем разрушаете свою жизнь, такую драгоценную и прекрасную? Но вы не выносите проповедей: я ограничусь мольбой.

Что касается вашего англичанина, который на самом деле американец, то я только что его видела, и, так как мы с вами не встретимся ни сегодня вечером, ни, может быть, к моему большому сожалению, и завтра, я должна сказать вам, что вы напрасно не захотели написать его портрет. Он предложил бы вам за него баснословную цену, а баснословная цена для такого американца, как Дик Пал-